

К 200-летию Ф. М. Достоевского

Марк АМУСИН

«ЧТО ДРУЖБА?»

Дружба в романах Достоевского

Юбилей Достоевского. Два века со дня его рождения. И не меньше ста пятидесяти лет, как о гениальном писателе говорят и пишут — разбирая каждое его произведение, каждый ход мысли, каждый образ, чуть ли не каждую фразу. Все, очевидно, уже исследовано, проанализировано.

Или не все? Мне пришло в голову, что я ничего не читал о теме дружбы в творчестве Достоевского. Правда, тема эта в пространстве литературы вообще не центральная. Хотя о дружбе и написано немало проникновенных строк и слов, начиная еще со священных текстов и мифов. Давид и Ионафан в Библии, Ахилл и Патрокл, Орест и Пилад... Дальше «Песня о нибелунгах», Автандил и Тариэл у Шота Руставели, рыцарские романы, много позже «Три мушкетера», потом «Три товарища» и так далее.

Понятие дружбы на протяжении веков эволюционировало в культурном и психологическом плане. Поначалу главными атрибутами ее были радость общения, беззаветная взаимная преданность и поддержка, готовность к жертве ради друга, неспособность примириться с его потерей. Однако со временем представление о дружбе в литературе утрачивает прозрачность и однозначность, обростаёт усложняющими нюансами, становится более реалистическим и «ситуативным».

В русской классической литературе феномен этот, разумеется, тоже не был забыт. Вспомним Онегина и Ленского, Обломова со Штольцем у Гончарова (это уже о «странностях дружбы»), Базарова и Кирсанова в «Отцах и детях». Лев Толстой дал несколько тонких психологических этюдов на эту тему в «Войне и мире»: Андрей Болконский и Безухов, Николай Ростов и Денисов, Куракин и Долохов. Но все это было довольно пунктирно, без особого углубления и анализа. Дружба здесь по большей части представляла как данность, как не требующий особых пояснений атрибут человеческих отношений. А ведь на деле явление это любопытнейшее, содержащее в себе множество оттенков, а также проблем и конфликтов. Романы Достоевского при внимательном рассмотрении многое могут нам об этом поведать.

Конечно, в первую очередь Достоевского привлекали более яркие, рельефные проявления человеческой природы, такие, как любовь и ревность, эгоизм и самопожерт-

Марк Фомич Амусин — литературовед, критик. Родился в 1948 году. Докторскую диссертацию по русской филологии защитил в Иерусалимском университете. Автор книг «Братья Стругацкие. Очерк творчества» (1996), «Город, обрамленный словом» (2003), «Зеркала и зазеркалья» (2008), «Алхимия повседневности» (2010), «Огонь столетий» (2015). Статьи публиковались в журналах «Звезда», «Нева», «Знамя», «Вопросы литературы», «Новый мир». Живет в Израиле.

вание, стремление к идеалу и погружение в бездну порока. Но создавая свой мир напряженных, многослойных и переливчатых межличностных связей, великий писатель не обошел своим пристальным вниманием и сферу дружбы. Более того, он в своих произведениях явил своего рода топографический план этого душевного состояния: с пересеченными местностями, впадинами и возвышенностями, с лабиринтами, волчьими ямами и тупиками. Посмотрим же на него внимательнее.

В «Преступлении и наказании» мы встречаемся с примером, казалось бы, вполне нормативных, общепринятых дружеских отношений. Рядом с мятущимся «идейным убийцей» Раскольниковым в романе, особенно в первой его части, почти постоянно присутствует фигура Разумихина, «доброго гения» главного героя. Автор наделил Разумихина многими прекрасными качествами. Тот умен, бескорыстен, прямодушен, отличается постоянством характера и обостренным чувством справедливости. (Замечу в скобках, что Разумихин в некотором смысле — ранний вариант «положительно прекрасного человека» у Достоевского в период, когда писатель еще не считал необходимым обязательно дополнять подобный образ чертами хриstopодобия или религиозного благообразия.)

Главное, в чем раскрывается натура Разумихина — это его горячая влюбленность в сестру Раскольникова Авдотью Романовну и действенная дружба по отношению к самому герою романа. Но именно она складывается очень непросто. В самом начале автор замечает, что Раскольников, будучи человеком замкнутым, сосредоточенным на собственных мыслях и переживаниях, в университете «почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил... С Разумихиным же он почему-то сошелся, то есть не то что сошелся, а был с ним общительнее, откровеннее». Однако к началу событий романа они не встречались уже несколько месяцев, и, очевидно, по инициативе Раскольникова.

Однако накануне задуманного им деяния, пребывая в тоске и мучительных сомнениях, Раскольников решает было пойти к товарищу, сам не зная зачем, но потом отказывается от этого намерения. «Что ж, неужели я все дело хотел поправить одним Разумихиным и всему исход нашел в Разумихине?» — спрашивает он себя. Этот ход мысли свидетельствует о неосознанной потребности в участии, поддержке, по меньшей мере в дружеском разговоре. Но «идея» в нем побеждает это человеческое, слишком человеческое намерение.

Уже после убийства старухи-процентщицы и ее сестры Раскольников все же отправляется к товарищу, и снова почти безотчетно. Тот, видя его бедственное состояние, предлагает однокашнику чуть ли не последние три рубля. Раскольников отвергает эту поддержку. После этого он впадает в горячку, бред, и только активная забота Разумихина позволяет ему выйти из этого состояния. Тот приводит к его постели врача, своего приятеля Зосимова, пытается упорядочить вконец расстроенные финансовые дела Раскольникова, берет на себя труд заменить лохмотья, в которых ходил тот, на приличную одежду: «потому, надо же из тебя человека сделать».

В дальнейшем Разумихин становится деятельным помощником Раскольникова, своего рода посредником между ним и окружающим миром, враждебным и подозрительным. Он, в частности, всячески отстаивает его доброе имя среди разговоров и слухов, клубящихся вокруг героя в связи с убийством и странным его поведением, в том числе перед своим дальним родственником, следователем Порфирием Петровичем. Он же старается притушить конфликты, в которые Раскольников постоянно вступает с матерью и сестрой Дуней.

Отчасти это объясняется вспыхнувшей в Разумихине любовью к Дуне. Но и сам Родион Романович, очевидно, дорог и близок его сердцу.

Чем же отвечает ему Раскольников? То-то и оно, что ничем. Да, сразу после «акта» его тянет встретиться с Разумихиным — возможно, чтобы проверить, способен ли он теперь общаться с людьми. Но опыт этот проваливается: «Он чуть не захлебнулся от злобы на себя самого, только что переступил порог Разумихина». И позже, когда силы начинают к нему возвращаться, он продолжает третировать товарища: «Слушай, Разумихин... Неужель ты не видишь, что я не хочу твоих благодеяний? И что за охота благодетельствовать тем, которые... плюют на это?.. Ну неужели я недостаточно выказал тебе сегодня, что ты меня мучаешь, что ты мне... надоел?»

Такое отношение не мешает Разумихину продолжать трогательно заботиться о Раскольникове, не говоря уже о рыцарском служении Авдотье Романовне. Так оно и продолжается до конца повествования.

Что же из всего этого следует? Прежде всего: дружба зачастую — неравновесная, несимметричная коммуникация. В данном случае один чуть ли не домогается дружбы другого, а тот в лучшем случае принимает эти изъявления, да и то неохотно и брезгливо. Ясно, что перед нами очень контрастные характеры. Раскольников по натуре одиночка, к тому же полностью поглощенный «теорией», а потом сосредоточенный на своем деянии. Разумихин же — как раз личность общительная, или, как говорят сегодня, экстравертная, деятельная, склонная растрчивать себя. При этом Разумихин совсем не простак, он вовсе не уступает Раскольникову в интеллектуальном плане и вполне мог бы быть достойным партнером в диалоге о целях и средствах. Но в заданных автором романых обстоятельствах обоюдного дружеского контакта между ними не возникает.

И это еще один из самых «естественных» примеров дружбы в романах Достоевского, пусть односторонней. Встречаются случаи и намного более сложные, болезненные. В самом начале романа «Бесы» присутствует такой пассаж: «Есть дружбы странные: оба друга один другого почти съесть хотят, всю жизнь так живут, а между тем расстаться не могут. Расстаться даже никак нельзя: раскапризничавшийся и разорвавший связь друг первый же заболеет и, пожалуй, умрет, если это случится». В данном случае это рассуждение предваряет линию изломанных, надрывных отношений между либералом 40-х годов Степаном Трофимовичем Верховенским и богатой вдовой Варварой Петровной, покровительствующей ему. Но можно придать этому суждению и расширительный характер.

Оно, например, в какой-то степени применимо к странной дружбе, являющейся сюжетным стержнем повести «Село Степанчиково и его обитатели». Помещик, отставной полковник Ростанев попадает в моральную зависимость от Фомы Опискина — странной личности, приживала, втершегося в доверие к покойному отцу полковника, а потом подчинившего своему влиянию его мать-старуху. Фома — ханжа, доморощенный проповедник, себялюбец и мелкий тиран. Добившись в доме Ростанева положения морального авторитета, он стремится регламентировать каждый шаг членов семьи, а самого полковника третировать как безнравственного человека, когда тот влюбляется в гувернантку своих детей Настю и намеревается жениться на ней.

Казалось бы, лицемерие, маниакальный эгоизм, властолюбие и ничтожество Опискина абсолютно очевидны. Но это не мешает неглупому Ростаневу долгое время считать его своим другом и наставником. Достоевский дает довольно развернутую психологическую развертку этих странных и опять же односторонних отношений. Егор Ильич Ростанев — человек мягкий, добрый, в себе не уверенный, ищущий прежде всего общего согласия и душевного спокойствия. Он по натуре склонен к самоумалению и преувеличению достоинств других. Безудержный апломб, эгоцентризм, позерство Фомы Опискина он принимает — до поры до времени — за истинную духовность и беском-

промиссность в вопросах морали. Фома же ловко пользуется бесхребетностью Ростанева, раз за разом утверждая свое превосходство над ним. Фома получает почти бескорыстное наслаждение от сознания своей власти над людьми и, похоже, искренне верит в то, что его деспотическая дружба ведет к нравственному совершенствованию хозяина дома

Характерно, что после «бунта» Ростанева, который чуть не закончился изгнанием Фомы из поместья, последний понимает наконец, что «перегнул», вовремя дает задний ход и остается у Ростанева на правах друга семьи, хотя теперь Опискину уже не приходится мечтать о тираническом господстве над хозяином и домочадцами. Коллизия, таким образом, разрешается сравнительно безобидно.

Краткий конспект якобы дружеских отношений, основанных на воле к господству (и готовности к подчинению), дан в повести «Записки из подполья». Герой-рассказчик говорит там, вспоминая школьные годы: «Был у меня раз как-то и друг. Но я уже был деспот в душе; я хотел неограниченно властвовать над его душой... Я испугал его моей страстной дружбой; я доводил его до слез, до судорог; он был наивная и отдающаяся душа; но когда он отдался мне весь, я тотчас же возненавидел его и оттолкнул от себя, — точно он и нужен был мне только для... одного его подчинения». Признаки психологического садизма здесь очевидны.

Еще более драматичный казус возникает в повести «Вечный муж». Главный ее герой — Вельчанинов, видный мужчина и светский человек, встречает вдруг в Петербурге личность, которую узнает с трудом. Это некто Трусоцкий, с которым герой был знаком несколько лет назад в городе Т. Больше того, Вельчанинов, столкнувшись с ним лицом к лицу, припоминает, что целый год был любовником жены Трусоцкого, женщины сильного характера и страстей. Теперь Трусоцкий — вдовец и отец-одиночка, явившийся в столицу из провинции в надежде продвинуться по карьерной лестнице. Девочка Лиза, которую Трусоцкий после смерти жены взял с собой в Петербург, скорее всего, дочь Вельчанинова. Трусоцкий постоянно вьется вокруг Вельчанинова, навязывает ему свое общество, набивается в друзья.

Герой повести чувствует себя крайне неловко, а главное, не может понять, чего от него хочет вечно пьяный Трусоцкий, в поведении которого заискивание сменяется фамильярностью, наглостью — и наоборот. Ищет ли он его покровительства? Знает ли о давнишней любовной связи? А если да, то какие чувства питает сейчас по отношению к нему, Вельчанинову? Скрыто ненавидит? Хочет отомстить? В довершение ко всему слабая, впечатлительная Лиза в Петербурге заболевает и умирает.

Главная загадка тут — истинный характер обманутого мужа, его мотивы и цели. Достоевский решает сложную задачу, раскрывая внутренний мир Трусоцкого, его болезненное душевное состояние через внешнее: гротескные поступки, пьяные намеки, полупризнания и полуугрозы, обращенные к Вельчанинову.

Трусоцкий в общении с Вельчаниновым все время говорит о дружбе: «...ведь нашему с вами, Алексей Иванович, знакомству (пожалуй, дружбе — ибо с признательностью вспоминаю) прошло девять лет-с...»; «... и так забьется при этом сердце, что не только днем, но и ночью рискнешь броситься в объятья друга...». При этом он кривляется, насмешничает, то пресмыкается, то иронизирует. Вельчанинов (вместе с читателями) все больше склоняется к тому, что уверения Трусоцкого в дружбе — не более чем издевка, сарказм.

Однако постепенно начинает вырисовываться более сложная — авторская — картина происходящего. В душе этого человека постоянно сосуществуют и борются антагонистические импульсы. В ту давнюю пору в городе Т. он, очевидно, был действительно очарован личностью столичного гостя, его манерами, остроумием, блеском. Но

и много более того. В одной из очередных «исповедей» Трусоцкий говорит: «Я вас любил, Алексей Иванович, и весь тот год в Т. любил-с... И во все эти девять лет я об вас запомнил-с, потому что я такого года не знал в моей жизни, как тот».

Он, конечно, в какой-то момент узнал о любовной связи между женой и Вельчаниновым. Это, однако, не мешает ему сейчас относиться к нему с противоречивыми чувствами. Здесь перемешиваются воспоминания о счастливых днях прошлого, о том, что ему в ту пору было лестно числить Вельчанинова своим другом — и жгучее переживание обиды, предательства, переходящее в ненависть к нему, но и к самому себе — из-за неспособности отстоять свою честь, отомстить. Трусоцкий лицедействует, меняет маски, но в то же время действительно разрывается между стремлением расцеловаться с Вельчаниновым в знак памяти о покойных Наталье Васильевне и Лизе — и желанием зарезать его. По ходу сюжета он делает попытки и к тому и к другому.

Интересно, что сам Вельчанинов, испытывая к Трусоцкому раздражение, гадливость, а то и страх, тоже чувствует их обоюдную связанность, которую не может разрубить. Повесть завершается эпизодом почти фарсовым, но самая последняя реплика Трусоцкого — об умершей Лизе — возвращает нас к горькому, драматическому контексту этих отношений.

Вернемся, однако, к «Бесам». Конечно, многолетнюю взаимозависимость Верховенского-старшего и Варвары Петровны дружбой можно назвать лишь весьма условно — и дело совсем не только в том, что речь идет об отношениях мужчины и женщины. Упор здесь прежде всего снова делается на неравенстве. Степан Трофимович, дворянский интеллигент с философическими наклонностями, — высокий духовный и интеллектуальный авторитет для генеральской вдовы, и знакомство их началось с почтительной просьбы Варвары Петровны принять на себя воспитание ее сына, то есть Николая Ставрогина. Зато в плане финансовом он пребывает в полной зависимости от своего «друга», фактически находясь много лет у нее на содержании. Исходный расклад задает общую перспективу этих отношений с их многочисленными перипетиями, то получающими карикатурный оттенок, то вполне серьезными и драматичными.

В «Бесах» представлен еще целый набор человеческих связей и зависимостей, замешанных в основном не на истинной симпатии или «родстве душ», а на притягательной силе и магнетизме сильной личности (Ставрогин) или на манипуляторских способностях ловкого интригана (Верховенского-младшего). Эти отношения господства-подчинения и психологической «эксплуатации» процветают в кружке «наших» — тайной организации, созданной Петром Верховенским в своих разрушительно-мошеннических целях. О дружбе здесь, конечно, и речи нет, хотя отдельные участники кружка по простоте душевной полагают, что их друг с другом и с Верховенским связывают именно этого рода узы.

Отдельно нужно упомянуть о почти маниакальной привязанности Верховенского-младшего к Николаю Ставрогину. И эту «высшую личность» Петруша пытается опутать паутиной, «присвоить», использовать в своих целях. Но к этому примешивается и нечто глубоко личное: обожание, почти влюбленность, стремление не только подчинять, но и подчиняться. Тут Достоевский прикасается к новаторской теме подсознательных влечений человеческой души, которая в то время просвещенной публике казалась соблазнительной и устрашающей, навлекала на писателя упреки в болезненной извращенности, в пристрастии к патологии.

Возникает в романе и набросок отношений, больше отвечающих нормативному понятию дружбы. Шатов и Кириллов — два персонажа не то чтобы положительных, но выделяющихся на фоне трагикомического окружения Верховенского и Ставрогина. Кириллов полубезумен, он одержим идеей концептуального самоубийства, кото-

рое должно внушить человечеству идею человекобога и внерелигиозного бессмертия. Шатов иступленно жаждет соединения с народом и духовного просветления. Когда-то они приятельствовали на почве близости взглядов и убеждений. И тут Достоевский добавляет колоритную деталь, объясняющую нынешнюю их неприязнь, вернее, отсутствие между ними каких-либо контактов. Несколько лет назад Шатов и Кириллов вместе отправились в Америку в поисках «новых путей» и, оказавшись в какой-то момент без работы и без средств к существованию, пролежали месяца три кряду в каком-то сарае бок о бок. За это время они так надоели друг другу, что по возвращении в Россию предпочитают держаться друг от друга подальше. Правда, в критический момент — к нищему Шатову приехала жена, которая вот-вот должна родить — Кириллов проявляет истинно дружеские чувства и готов поделиться с ним последним рублем и всем своим скудным достоянием.

Но самый знаменитый и одновременно самый проблематичный пример дружбы у Достоевского — это, конечно, отношения князя Мышкина и купца Рогожина в «Идиоте». Нет, казалось бы, ничего общего между этими двумя людьми — они противоположны во всем, от воспитания и образования до физического склада и образа жизни. Тонкая и хрупкая душевная организация Мышкина, его глубокая и искренняя религиозность, его почти визионерская психологическая пронизательность явно противостоят грубой страстности, пылкости, духовной «неотесанности» Рогожина.

И все же они чувствуют взаимное притяжение после своей случайной встречи в железнодорожном вагоне. И в дальнейшем оказываются связаны странными, мучительными узами. Конечно, в центре этого сплетения — Настасья Филипповна, которую оба любят, пусть очень несхожею любовью. Достоевский, однако, намекает, что тут кроется и другое. После бурной сцены в квартире Настасьи Филипповны с сожжением денег и гротескным соперничеством за ее руку между Ганей Иволгиным, Мышкиным и Рогожиным в действии романа — полугодовой скачок, и как раз в этот временной промежуток между героями в Москве возникает некая не совсем понятная близость. Описывая их новую встречу в Петербурге, автор ограничивается лаконичным замечанием: «Они говорили друг другу ты. В Москве им случалось сходитья часто и подолгу, было даже несколько мгновений в их встречах, слишком памятно запечатлевшихся друг у друга в сердце. Теперь же они месяца три с лишком как не видались».

Новый виток отношений Мышкина и Рогожина отличается форсированным драматизмом. Здесь и очевидная враждебность Парфена, и его слезка за князем, и их раскаленный разговор о Настасье Филипповне, и обмен нательными крестами. А вскоре после этого символического акта следует покушение Рогожина на жизнь Мышкина, не удавшееся только благодаря эпилептическому припадку, случившемуся с князем.

Несмотря на это, их связь продолжается, как и негласное любовное соперничество, как и стремление Мышкина смягчить жестокое сердце названного брата, «воскресить» его к новой жизни. Заканчивается эта невероятная сюжетная линия знаменитым финалом: князь приходит в квартиру Рогожина, где тот только что зарезал Настасью Филипповну, и они вдвоем сидят над мертвым телом, оба лишившиеся рассудка.

История эта прямо таки взывает к самым различным истолкованиям, реалистическим и символическим. Нужно, наверное, сказать о взаимном притяжении противоположностей: контрастные, полярные свойства характеров героев побуждают их тянуться друг к другу. Князь Мышкин восхищен, очевидно, цельностью и естественностью натуры Парфена, любит его удалью, безоглядностью, бурным темпераментом, хотя одновременно страшится этого. Рогожина, в свою очередь, покорен детской чистотой души князя, его кротостью и бескорытием, но порой и восстает против смиренного обаяния Мышкина.

Возможны и более возвышенные интерпретации данной ситуации. Вечное и неутолимое влечение духа и плоти, неба и земли, горнего света и мрака бездны. Безотчетное стремление ущербной, разорванной человеческой природы к восполнению недостающего, к обретению полноты и целостности (можно тут найти и отблески мифа об андрогине). Все эти «концепты», вероятно, смутно присутствовали в творческом сознании Достоевского, когда он выстраивал сюжет этих невероятных отношений. Вопрос, однако, в том, можно ли извлечь из столь экстравагантных трактовок понятия дружбы — в «Идиоте» и других романах — какой-то реальный психологический смысл, кроме слишком уж общего заключения, что в жизни (а тем более в литературе) порой случается черт знает что.

Может быть, тут надо искать биографические причины? Может быть, все дело в том, что сам Достоевский был не слишком способен к нормативным дружеским отношениям и просто транслировал эту свою особенность в творчество? Тут есть место для размышлений и более широкого, внеличного толка.

Известно, что «по жизни» Достоевский по-настоящему мало с кем дружил. Конечно, были у него приятели по пансиону и по инженерному училищу. В кружке Петрашевского он попал под сильное влияние Спешнева, но то были отношения в духе описанных в «Бесах». В 50-е годы в Сибири он дружески сошелся с семипалатинским прокурором Александром Врангелем, который оказал очень существенную поддержку ссыльнопоселенцу. Однако вскоре их пути разошлись. Когда же писательство стало главным жизненным делом Достоевского, по-настоящему тесных дружеских контактов у него не осталось. Известны крайне неровные, чтобы не сказать, конфликтные отношения писателя с Белинским, Некрасовым, Григоровичем. Известна его непримиримая — идейная, но и личная — вражда с Тургеневым, Герценом, Салтыковым-Щедринным. Пожалуй, только к поэту Аполлону Майкову Достоевский испытывал многолетнюю дружескую симпатию, но и тут имелись свои подъемы и спады.

Но ведь и вообще дружба в среде людей творческого склада — явление редкое. Оставаясь на почве российской словесности, мы вспомним, наверно, лишь прочную дружескую связь Герцена и Огарева, выдержавшую в высшей степени трудные и необычные испытания. Но и не более. Дело здесь, очевидно, не только в том, что творческие натуры обречены на вечное соперничество друг с другом, что для каждого из них дарование и успех собрата — всегда вызов. Литераторы по призванию почти всегда сосредоточены на себе, на своих мыслях, переживаниях, замыслах и реализациях, они озабочены, недоверчивы и эгоцентричны. Им редко хватает душевного богатства для щедрого общения с окружающими. В человеческих отношениях люди этого склада, как правило, скупы и капризны, они стремятся больше получать, чем давать. Это, конечно, не способствует выстраиванию и поддержанию дружб.

Встречаются, конечно, и исключения. Пушкин — тот умел дружить, и с коллегами, и с людьми другого круга. Вяземский, Жуковский, Баратынский. Дельвиг, Пущин и другие лицейские приятели. Николай Раевский, Нащокин, Алексей Вульф... Но Пушкин был так щедро одарен природой, его хватало на все: и на поэзию, и на исторические изыскания, и на труд издателя, и на мимолетные романы, и на глубокие страстные увлечения, и на верное, преодолевающее время товарищество. Впрочем, и великому поэту были вполне ведомы сложные психологические узлы, таящиеся под идиллическим покровом дружеских отношений. Известное его четверостишие гласит:

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

В этом как бы несерьезном, небрежно-скептическом эскизе «антологического» чувства ощущается горьковатый привкус ранней искушенности и разочарования.

Вернемся, однако, к творчеству Достоевского. Если в каждом из произведений, о которых до сих пор шла речь, возникал какой-то уникальный, из ряда вон выходящий, эксцентрический до невероятия «экземпляр» дружбы, то в романе «Подросток» представлен целый спектр эмоциональных проявлений и поведенческих схем, связанных с этим понятием. Писатель и здесь следует своему методу «реализма в высшем смысле», то есть изображению душевной жизни человека в экзистенциальной динамике, в захватывающем драматизме ее коллизий, в том числе и выходящих за рамки плоского жизнеподобия. Однако в «Подростке» дружба предстает в проявлениях психологически более достоверных и тщательнее прописанных.

Главный герой романа и он же рассказчик — девятнадцатилетний Аркадий Долгорукий. Аркадий — незаконнорожденный, сын дворянина Версилова и дворовой девушки. Фамилию же он носит законного мужа своей матери, тоже в прошлом крепостного. Двусмысленность происхождения, усугубляемая княжеской звучностью фамилии, глубоко ранит и унижает «подростка», изначально ставит его в положение «униженного и оскорбленного», развивает в нем замкнутость и комплексы.

Достоевский знакомит читателя со своим героем, когда тот, окончив гимназию, оказывается в Петербурге, на пороге новой, еще неведомой жизни. Он обуреваем разнонаправленными чувствами и устремлениями, он сталкивается с искушениями, соблазнами, запутанными семейными отношениями и секретами прошлого, взрывающимися в настоящем. У него есть заветная идея, совершенно детская по сути: «стать Ротшильдом», путем железной дисциплины и самообуздания сколотить огромный капитал, достичь «высшей власти» и — уединиться в сознании своего могущества и способности отомстить миру за все обиды и душевные раны. То же, что влечет его на самом деле — это выход из «угла», из круга раздраженного одиночества, в котором он пребывал все последние годы.

Юный Аркадий рвется к людям, он жаждет взаимного доверия, общения, обмена мыслями и чувствами. И эта жажда вовлекает его в разнообразные психологические опыты, приключения. Например, он случайно попадает в компанию молодых радикалов, мечтающих о переустройстве жизни на принципах справедливости и равенства, и очарован двумя членами этого общества, Крафтом и Васиным. Первый из них, правда, оказывается «принципиальным самоубийцей» наподобие Кириллова из «Бесов», а второй скоро обнаруживает свою заурядность.

Это увлечение, однако, быстро сменяется новыми. Аркадию в Петербурге находят синекуру: он должен по несколько часов в день помогать пожилому князю Сокольскому в качестве не то секретаря, не то «компаньона» для развлечения. Поначалу это занятие уязвляет его самолюбие, но постепенно между ним и князем возникает душевная симпатия и близость. «Старый и малый» рассуждают обо всем на свете, поверяют друг другу свои тайны, часто ссорятся, но очень быстро и трогательно мирятся. Один из бурных эпизодов завершается следующим образом: «Он не докончил и захныкал над моей головой. Признаюсь, почти заплакал и я; по крайней мере искренно и с удовольствием обнял моего чудака. Мы очень поцеловались».

Итак, дружба — но опять очень неравновесная, при огромной возрастной разнице. Тут же Аркадий горячо увлекается «князем Сережей», лишь несколькими годами его старше, натурой порывистой и неуравновешенной. «Подросток» часто квартирует у него, кутит с ним и играет на рулетке, берет у «князя Сережи» в долг — словом, приобщается к светской жизни. Но тут его постигает удар: оказывается, дружеское расположение князя во многом объясняется тем, что Лиза, сестра Аркадия, беременна от него. Все заканчивается скандалом и разрывом.

Но и с собственным отцом, Версиловым, прежде ему почти незнакомым, Аркадий ищет, по существу, дружбы и «резонанса сердец». Он ревнует его к другим людям и прошлому, то превозносит его в своем воображении, то ниспровергает, третирует его — и пытается заслужить его доверие. Версиров по замыслу Достоевского — личность сложная, человек глубокой мысли и сильных, темных страстей. Наивные попытки Подростка дойти с ним до последней стадии душевной открытости и духовной близости оборачиваются многочисленными неловкостями и конфликтами.

Не обходится в романе и без резкого психологического излома. Аркадий случайно сталкивается в Петербурге с Ламбертом. Когда-то они вместе проживали в пансионе, где Ламберт деспотически помыкал им, о чем Подросток нередко вспоминает с неким мазохистским надрывом. Вновь встретившись с давним недругом, Аркадий почему-то наряду с ненавистью и презрением (он считает Ламберта много ниже себя по развитию) испытывает к нему странную тягу и даже вступает с ним в довольно грязное соглашение. К этому его подталкивает и желание возвыситься — хотя бы в глазах мерзавца, и внезапно овладевший им «реализм»: «Ламберт — подлец, и ему только бы тридцать тысяч с меня сорвать, а все-таки он у меня один только друг и есть. Другой дружбы нет и не может быть, это все выдумали непрактические люди».

Из всего этого следует, что Достоевский в «Подростке» описывает не столько разные аспекты и проявления эмоциональной привязанности, сколько саму тягу юной души к дружескому общению, к возможности думать, чувствовать, действовать заодно с другим. Но это бескорыстное стремление часто замутняется испарениями гордости и тщеславия, уступками низшей стороне своей природы.

Особо надо сказать о еще одной сюжетно-психологической линии романа — об отношениях между Аркадием и дочерью князя Сокольского Катериной Николаевной (ее связывают с Версиловым перверсивные отношения любви/ненависти, о чем Подросток догадывается лишь ближе к развязке). Юноша поддается обаянию этой блестящей женщины, до поры до времени он влюблен в нее, пусть и платонически, как в некий идеал, сознавая, что между ними пропасть. Та, в свою очередь, очаровывает его не без задней мысли. Значит, о дружбе, очищенной от эротики и прагматики, здесь речи не может быть. И все же... В какой-то момент между ними происходит объяснение на последней как будто степени откровенности, и по ходу его Аркадий находит необычайно трогательный и верный словесный оборот: «Я воображал вас верхом гордости и страстей, а вы все два месяца говорили со мной как студент с студентом». И Катерина Николаевна с радостью подхватывает это выражение: «Вы очень метко заметили это давеча, что мы часто с вами говорили как студент с студентом».

Подразумевается здесь — оба были увлечены материями, никак не затрагивающими их лично (темы эти в разговоре перечисляются), и обсуждали их на равных, с идеалистическим пылом и альтруистической страстью к истине. А ведь такого рода сложение умственных и душевных сил, устремление их к общей благородной цели и считалось всегда одним из атрибутов классической дружбы. Пусть мотив этот дан в «Подростке» лишь намеком, наброском — он обогащает представленную в романе сложнейшую картину психологических притяжений/отталкиваний дополнительной краской.

Надо сказать, что в последнем своем романе «Братья Карамазовы» Достоевский развивает этот момент, хотя и в одной из боковых линий повествования. Я имею в виду сюжет отношений Алеши Карамазова с Илюшей Снегиревым, Колей Красоткиным и другими «мальчиками». Поначалу автор вполне реалистически показывает, что в детском коллективе часто процветает жестокость по принципу «Все против одного» — класс преследует бедного Илюшу, отца которого публично унижил Дмитрий Карамазов. Илюша озлобленно и безнадежно сопротивляется. Но тут появляется Алеша,

который сам всего несколькими годами старше, и своей чистотой, чувством справедливости и даром убеждения «смягчает нравы», побуждает мальчиков раскаяться в своей жестокости и объединиться уже в практической помощи больному Илюше и его семье.

В романе акцентируется мотив дружбы, связывающей людей общим переживанием, душевным движением, общим благим делом. И пусть автор берет здесь очень высокую нравственную ноту — благодаря тонкости и точности психологического рисунка она звучит нефальшиво.

Окидывая взглядом всю пеструю, причудливую мозаику «феноменов дружбы» в творчестве Достоевского, невольно задаешься вопросом: как отличить тут плоды тонкой наблюдательности и психологической проницательности от прихотливой, а то и произвольной игры писательской фантазии, тяготеющей зачастую к ярким и бьющим по нервам эффектам? Но тут же и понимаешь: так ставить вопрос — неправильно.

Разрабатывая эту тему в ряду других, быть может, более для него важных, писатель остается верен своему главному принципу: представлению жизни человеческой души как необычайно сложной, многослойной и подвижной стихии. Здесь нет ничего статичного, неизменного, самому себе равного. Здесь «на глубине» все не так, как представляется поверхностному взгляду. Разумеется, у Достоевского как человека глубоко религиозного, как христианского мыслителя есть вполне определенные ценности, идеалы, убеждения, и он стремится приблизить к ним своих литературных героев, как и читателей. Но в творческом плане он представляет природу человека жгучей и до конца не разрешаемой загадкой, ареной борьбы не столько Бога и дьявола, сколько разноречивых, иногда взаимоисключающих побуждений и устремлений. При этом автор, несомненно, питает особое пристрастие к явлениям особо сложным, из ряда вон выходящим, обескураживающим.

И религиозное мировоззрение, и то, что принято называть «науками о духе», пока способны лишь высказывать гипотезы о том, что движется, клубится, оформляется и распадается в многомерном пространстве человеческой природы. Гипотезы эти то робки, то наивны, то дерзки до нахальства, но все далеки от статуса твердого знания. Поэтому не пренебрежем интуициями, а пусть даже и творческими капризами гения, взгляды, вдумаемся в них. И, может быть, приобщимся к обжигающим, неподвластным логике откровениям, а то и получим уроки самопознания, пусть порой горького.